

References

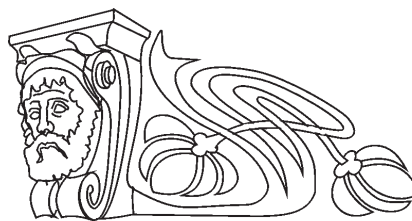
1. Paulson S. Hans Kelsen's Earliest Legal Theory: Critical Constructivism. *The Modern Law Review*, 1996, vol. 59, pp. 797–812 (Russ. ed.: Paulson S. Rannaya teorya prava Hansa Kelsena: critcheskiy konstruktivism. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*. St.-Petersburg, 2011, no. 4, pp. 525–545).
2. Kelsen H. *Reine Rechtslehre: Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik*. Leipzig; Wien, 1934. 154 p. (Russ. ed.: *Kelsen H. Chistoe uchenie o prave: vvedenie v problematiku nauki o prave*. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava*. St.-Petersburg, 2011, no. 4, pp. 430–511).
3. Nevvazhay I. D. Vzaimodopolnitelnye formy aktivnosti subecta posnanya: interpretatsiya i vyrazhenie (Mutual complementary forms of subject of knowledge activity: interpretation and expression). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Filosofia* (Herald of Russian University of International Friendship. Ser.: Philosophy), 2011, no. 3, pp. 54–65.
4. *Chistoe uchenie o prave Hansa Kelsena*: sb. perevodov S. V. Lezova, U. S. Pivovarova (Pure theory of law by Hans Kelsen: translated by S. V. Lezov, U. S. Pivovarov). Iss. 1. Moscow, 1987. 114 p.
5. Orlov M.O. Etica discursa kak osnova strategii socializacii v globaliziruyuschemsya mire (Ethics of discourse as a basis of socialization in global world). *Izv. Saratov. Univ. New ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogics*. 2012. Vol. 12, iss. 2, pp. 55–59.

УДК 502,12:1

ПРЕДПОСЫЛКИ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОЛОГИИ В ДОХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Орлов Михаил Олегович –

доктор философских наук,
доцент кафедры теологии и религиоведения,
Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mil.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы и анализу специфики возникновения теологического дискурса в Античности; рассматривается категориальный аппарат античной философии, который позднее был переосмыслен христианами теологами. Взаимодействие теологии в период ее формирования с философией и естественными науками было очень интенсивным и плодотворным. Причины коммуникативной близости теологии и философии видятся нам в стилистике человеческого мышления. Античные философы пытались найти фундаментальные основания бытия мира и человека; представлена попытка обнаружить предпосылки теологического мышления в античной культуре. В исследовании выявлены философские предпосылки теологического мышления и проанализированы гностические стратегии герменевтики познающего субъекта.

Ключевые слова: теология и философия, теологическое мышление, гностицизм, античная философия, межкультурная коммуникация.

Первая тысяча лет нашей эры, эпоха святых отцов и учителей Церкви, эпоха Вселенских соборов стала тем горнилом, где выкристаллизовывалось учение Церкви. Это – золотой век христианской теологии, где Евангелие, Благая Весть нашло развернутое, богатое отражение в богословских трудах, ставших классикой теологии. Это произошло тогда, когда Откровения Ветхого и Нового Заветов стали прочитываться сквозь призму классической философии: совершился синтез светского знания, философии

и христианского Откровения. Имея истоком проповеди, полемические и апологетические сочинения, катехизические поучения, теология с течением времени развилась в целый свод религиозных знаний и систему научных дисциплин. Развиваясь в параллельных культурно-исторических традициях Запада и Востока, теология стала наукой со своей методологией и источниками. Именно теология легла в основу европейского университетского образования, став первым и главным факультетом классического университета, и на протяжении многих веков сохраняла свой статус «царицы наук».

Древние богословы помещали теологию на стыке разных форм знаний, и прежде всего, конечно, философии, которая имела статус строгой научности. Взаимодействие теологии в период ее формирования с философией и естественными науками было очень интенсивным и плодотворным. В условиях глобализации религиозные сообщества, лишённые рефлексивной культуры, могут являться источником социальных рисков [1], поэтому весьма актуальным представляется рассмотрение коммуникативной близости теологии и философии, которая видятся нам в стилистике самого человеческого мышления. В представленном исследовании мы попытаемся обнаружить предпосылки теологического мыш-

ления в античной культуре и европейской философской традиции. Сегодня важной методологической установкой остается идея, высказанная И. Д. Невважаем, о том, что отношения между наукой и религией должны быть толерантными, наука и религия не нуждаются друг в друге, относятся к разным непересекающимся предметным областям [2, с. 3].

Наиболее продуктивно, очевидно, задать вопрос: что значит мыслить? Философская традиция, поставившая этот вопрос, имеет давнюю историю. Между тем стоящий у её истоков Платон подобной проблемы не ставит нигде в чистом виде. То, что интересует Платона как философа (а сфера его практических интересов также широка), может быть представлено в вопросе, сформулированном в «Федоне», когда Сократ, повествуя о бессмертии души, говорит: «Или же это нельзя назвать подготовкой к смерти?» [3, Федон, 80д]. «Философствовать – значит учиться умирать» – тезис, на разные лады повторенный Сенекой, Монтемом, Августином Блаженным, Фихте, Вл. Соловьевым и др. Представители русской религиозной философии считают, что к этому видению существа занятий философией Платона подвигла смерть его учителя Сократа, праведника, которому не нашлось места в действительном, полном зла, мире [4, с. 120]. Поэтому воспоминание об утерянной родине, том месте, где остался Сократ, превращается у Платона в воспоминание душой своего исконного места, того, где она пребывала изначально; подобная интенция находит свое выражение и в теологических размышлениях Оригена.

Стало быть, одной из предпосылок теологического мышления античности является идея о том, что ввергнутая с небес в смертное тело, эту «самоходную колесницу» [3, Тимей, 69е], душа своей бессмертной частью начинает жить созерцательной жизнью, конечной целью и итогом которой является восстановление утерянного единства с истинным Бытием. Так, у Платона предпосылки теологического мышления конституируют картину созерцательной жизни души – теоретическое бытийствование разумной части психического мира человека. Философ реализует проект гностической теологии античности: в VI и VII книгах «Государства» Платон мифопоэтическими средствами разворачивает панораму восхождения души в ее созерцательности от низших ступеней видимого мира к высшим ступеням умопостигаемого, от «докса» (мнения) к «ноэзис» (мышлению). При этом «один раздел умопостигаемого душа вынуждена искать на основании предпосылок <...> другой раздел душа отыскивает, восходя от предпосылки к началу, такой предпосылки не имеющему» [3,

Государство, VI, 150в]. Следовательно, внутри созерцательной жизни души на этапе ее восхождения в умопостигаемый (ноэтический) мир различаются два способа теоретического бытийствования «дианойя» (рассудок) и «ноэзис» (собственное мышление) [3, Государство, VI, 511де]. Это последнее только и позволяет душе созерцать истинное Бытие, т.е. приуготовливать ее к будущему расставанию с телом, учит умирать того, кто философствует. Мышление, или созерцание душой изначальной истины Бытия, является у Платона занятием философов – тех, кто любит мудрость. В христианской культуре античный гностицизм заменяется аскетическим деланием.

Не менее существенной чертой теологического мышления Платона является проблема поворачивания – «эпистрофэ», или обращение в свете Истины. Так, в VII книге «Государства» мы находим: «Тут надо душу повернуть от некоего сумеречного дня к истинному дню бытия: такое восхождение мы назовем истинной философией» [3, VII, 521с]. В отличие от первоначального допущения автономии созерцательной жизни души, здесь мы встречаемся с неким намеком на произвол кого-то или чего-то в ее отношении – «надо душу повернуть». Вследствие чего же обращается душа к истинному дню? В. Эрн считает, что «в потрясающем мифе о пещере мы имеем некую синтетическую запись мирочувствия, богочувствия и самочувствия Платона в некий определенный момент его жизни» [5, с. 465]. Эти чувства со времен Платона часто называют удивлением. Сам Платон связывает существо философствования с удивлением в примере с Иридой, дочерью Тавманта, а Аристотель конкретизирует это положение в своей «Метафизике»: «Удивление побуждает людей философствовать» [6, 1, 2, 982в 13].

Вместе с тем «тавмасмос» (удивление) не всегда совпадает с «эпистрофэ» (обращением). Первое основывается на некоей спонтанности, второе же может быть произвольным. Осуществляя текстологический анализ платоновских диалогов, можно выявить следующие виды обращения как особой методики, приводящей к духовной трансформации философствующего субъекта:

отречение от временного, изменчивого и тленного;

обращение субъекта к своему внутреннему миру (констатация своего невежества);

осуществление гносеологического акта воспоминания;

возвращение к своим онтологическим истокам бытия (родине первооснов, истины и блага).

Римские стоики, отдававшие предпочтение этическим вопросам, в своей психогогике преобразовали платоновские «эпистрофэ» в аске-

тическое обращение, связанное с искусством руководить душой человека. В христианской теологии эта практика преобразуется далее в «преображения» («метанойя»), которое осмысливается как раскаяние, перемена мыслей. Последующая история понятия «обращение» еще более смещает акценты в его трактовке: от гносеологического к этическому и далее к политическому дискурсу: «особое внимание здесь стоит обратить на зависимость осознания моральных норм индивидом от уже существующего и выработанного в культурной традиции высшего морального сознания» [7, с. 58].

В этот же период происходит и смещение акцентов в истолковании существа философии. Из экзистенциального занятия у Платона и сократиков она все более становится познавательным мероприятием у перипатетиков, скептиков, схоластов и особенно – в новоевропейской философии. Это расслоение мнений относительно природы философствования как занятия, которым занимается философ, наблюдается уже у сократиков в оценке личности Сократа. Ксенофонт называет Сократа «праведником» [8, IV, 8, 11] и видит в нем учителя жизни. Для других же он был вождем на пути философских исканий; в христианской культуре Сократа называют христианином до Христа.

Таким образом, мы можем констатировать, что оценка занятий философией является исключительно внешней. Само же существо теологического мышления может быть оценено исключительно изнутри, т.е. в том случае, когда философствование становится экзистенциальным занятием. Классическим примером внешней оценки занятия философией является классификация типов философов. В марксизме выделяется три группы мыслителей Античности: 1) пророки и законоучители (Фалес, Анаксагор, Демокрит, Эпикур), 2) мудрецы-софосы (Сократ, Платон), 3) эпигоны, носящие «маску философии» (кинники, клександрийцы, поздние эпикурейцы). Философия как метод становится инструментом, например когда речь заходит о таких общественно-государственных проектах как политика памяти [9, с. 11].

Приближает нас к сути теологического мышления именно философствование как экзистенциальное занятие, которое может быть обозначено как то самообращение в Истине, которое воплотилось у Сократа в его диалогах, т.е. в разыскивании понятий. Психогогика же Сенеки или обращение через раскаяние у теоретиков христианского вероучения не обязательно предполагает изъяснение открывшейся истины бытия в слове. Особенно наглядно это происходит в религиозной практике исихазма, молчаливчества. Впрочем, недоверием к способности человеческого слова

постигнуть Истину проникнуты и платоновские диалоги, например, «Кратил», где сказано, что «не из имен следует изучать и исследовать вещи, но <...> из них самих» [3, 439в], ибо, как сказано в «Софисте», «чистое мышление есть беседа души с самой собою» [3, 263е], т.е. беззвучная речь-до-слов.

Возникшее противоречие между сократовскими «майевтическими» (дискуссионными) опытами и платоновским недоверием к познавательной силе слова снимается у Аристотеля в его учении об энтелехии. Одним из кульминационных моментов энтелехии, или осуществления сущности в вещи, является «суть бытия», которую схоластическая философия переводит термином *quidditas*, а Лосев – понятием «чтойность». Так, в «Метафизике» Аристотель пишет: «Прежде всего мы скажем о ней (вещи) нечто с точки зрения ее смысла, а именно, что чтойность для каждой вещи есть то, что говорится о ней самой» [6, VII, 4, 1029в]. Это высказывание о вещи и есть изъяснение сущности бытия вещи, которая становится доступной интимному обаянию языка. Но коварство аристотелевского открытия состояло в том, что истина Бытия открыла себя, в первую очередь, языку и в угасающей силе слова скрыла себя вновь.

Таким образом, драматизм проблемы обнаружения истины Бытия состоит в том, что всякий раз «Бытие как таковое» исчезает из поля зрения рассудка: либо оно является достоянием разумной части души, т.е. души, отвернувшейся от тела, либо открывается в актах религиозного аскетического праксиса, либо преподносит себя проговоренному слову, т.е. тому, что более не является нашим достоянием. Направленность, лежащая в основании мышления, обращенного к Божественной реальности, которую Вл. Соловьев называет «духовной нищетой», и служит неизбывным двигателем мышления. Существенной характеристикой природы теологического мышления античности является его «круговращение», выявленное Платоном в «Тимее» [3, 47вс], которое заложило основы проблемы «вечного возвращения того же самого» у Ницше и проблемы «герменевтического круга» в философской герменевтике.

Дохристианская философская культура выявила следующую антиномию: сложность вхождения в мир Логоса, которое осуществилось в практике «обращения», имеет следствием еще большую, неразрешимую в истории метафизики сложность, которая связана с возвращением из мира Логоса вместе с Логосом. Напомним, что платоновский Сократ в «Федре» сталкивается с этой трудностью перед тем, как произнести свою вторую речь, прославляющую Эрос. Это

возвращение есть, по сути, продление своего пребывания в Истине, которая, по мысли всей европейской философии, имеет обыкновение открываться лишь на мгновение. Античная классическая культура, носящая пластический характер, навязывает античной философии такую форму чувственности, как зрение. Так, у Платона в «Тимее» находим: «Бог изобрел и даровал нам зрение <...> чтобы мы, наблюдая круговращения ума, извлекли пользу для круговращения нашего мышления» [3, 476с]. Христианство же, бегущее мерзостей телесной жизни, провозгласило истинность Слова Божия – отсюда преобладание стремления слушать, вслушиваться. Нечего и говорить, что другие формы чувственности (обоняние, осязание, тактильность) не получили решающего значения в человеческой истории в качестве способов восприятия мира. Проблема продления пребывания в Истине исторически, следовательно, решается двумя взаимодополняющими друг друга средствами – созерцанием и вслушиванием, которые объединяются у нас понятием «вчувствование». А это и есть то самое «эпистрофэ», или немислимое усилие, которое порождает мысль с целью ее воспроизвести заново, поскольку, как замечено, «не насытитися око зрением, не наполнится ухо слушанием» [10, Еккл., 1:8]. И вот из этого желания преодолеть собственную ограниченность, т.е. войти в предел складывается в пространстве философии теологическое мышление, которое может быть определено как мышление в предельных понятиях, охватывающих целое и захватывающих экзистенцию.

Мы добавим еще одну существенную черту к рассматриваемой проблеме: теологическое мышление есть такой род философского размышления, которое стремится разомкнуть всякую определенность и вступить в предельное состояние собственного бытия, иными словами, в пределы бытия тварного, за пределами которого разворачивается бытие Божественное. Поскольку вступление в пределы бытия осуществляется, как уже сказано, в захваченности Логосом, постольку событие мышления происходит преимущественно через описание искомым запредельным чувственному миру форм бытия. В своём дискурсивном измерении это может касаться даже политических устремлений и концептуализаций [11, с. 127].

Как заметил о. П. Флоренский, «философия есть язык, но она – не одно описание, а множество таковых, превращающихся одно в другое» [12, с. 130]. Из этих исходных условий философской теологии – удивления, обращения, умоперемены, духовной нищеты, сознания собственного незнания – разворачивается словотворчество,

философский «пойэзис», существо которого можно обозначить в терминах хайдеггерианского дискурса как продвижение к присутствию из потаенности. В определенном смысле мы развернули исходную проблему в обратном направлении, возведя предпосылки философской теологии к поэзии, но случилось это у нас непроизвольно, поскольку инструмент, которым мы пользовались (слово), сам отдает предпочтение этой области. Общий исток поэзии и философии, который в очередной раз сейчас удалось указать, свидетельствует о чрезвычайной сложности поставленной задачи – узнать, как следует подлинно мыслить? Мысль снова попала в стихию словотворчества и не пожелала быть узанной. В христианской теологии подобная антиномия успешно решается через идею Откровения, развертывающегося в Священном Писании и Священном Предании Церкви, а само теологическое мышление нераздельно связывается с аскетической практикой, направленной на преодоление пораженной страстями, тлением и грехом человеческой природы. Очень важной для теологического дискурса является идея, что «семантические и культурные аспекты Имени основаны на паламитском богословии энергий, закреплённом догматически в Православии» [13, с. 57]. В рамках философской теологии, которая претендует на мышление через вхождение вовнутрь метафизики, задача, сформулированная вначале, может, видимо, быть только обозначенной, но не решенной. Вопрос, который мы поставили, сам в известной степени настиг нас, и уклониться от него не представлялось возможным.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» (проект № 12-33-09003 а).

Список литературы

1. Иванов А. В., Дорошин И. А. Идеологический и политический дискурс религиозного фундаментализма в обществе риска // Власть. 2012. № 11. С. 92–96.
2. Невважай И. Д. Знание, вера, доверие и научное образование // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 3. С. 3–6.
3. Платон. Полн. собр. соч. в одном томе. М., 2013. 1311 с.
4. Рожков В. П. Альтернативы мировоззренческого выбора. Опыт осмысления философского процесса в России. Саратов, 2012. 160 с.
5. Эрн В. Ф. Верховное постижение Платона // Эрн В. Ф. Соч. М., 1991. 571 с.
6. Аристотель. Метафизика // Собр. соч. : в 4 т. М., 1998. Т. 1. 308 с.

7. Орлов М. О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 54–59.
8. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993. 592 с.
9. Аникин Д. А. Траектории социальной памяти в глобальном мире : между конфронтацией и конкуренцией (Россия и Китай) // Уч. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, № 1. С. 7–14.
10. Книга Екклесиаста, или проповедника // Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2010. 1295 с.
11. Орлов М. О., Данилов С. А. Роль коммуникации в политической жизни современного общества // Философия и общество. 2008. № 4. С. 126–131.
12. Флоренский П. А. У водоразделов Мысли. М., 1990. 448 с.
13. Фриауф В. А. Православная традиция и русская философия Имени // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6, вып. 1–2. С. 57–61.

The Origins of Philosophical Theology in Pre-Christian Culture

M. O. Orlov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410002, Russia
E-mail: orok-saratov@mil.ru

This article is devoted to the analysis of problems and specifics of theological discourse in Antiquity. The article deals with the categorical apparatus of ancient philosophy, which was later reinterpreted by Christian theologians. Interaction of Theology in its formation with the philosophy and the natural sciences was very intense and fruitful. Reasons communicative proximity of theology and philosophy are seen us in the style of human thinking. Ancient philosophers have tried to find the fundamental basis of being the world and man. In the present study, we try to detect background theological thought in Ancient culture. The study revealed philosophical presuppositions of theological thinking and strategies analyzed Gnostic hermeneutics knowing subject.

Key words: theology and philosophy, theological thinking, gnosticism, ancient philosophy, intercultural communication.

References

1. Ivanov A. V., Doroshin I. A. Ideologicheskii i politicheskii diskurs religioznogo fundamentalizma v obshchestve riska (Ideological and political discourse of religious fundamentalism in a risk society). *Vlast (Power)*, 2012, no. 11, pp. 92–96.
2. Nevvazhay I. D. Znanie, vera, doverie i nauchnoe obrazovanie (Knowledge, faith, trust and science education). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Pravo. Mezhduarodnye otsheniya* (Bulletin of St. Petersburg University. Series 6: Philosophy. Jurisprudence. Politics. The right. International relations.), 2010, no. 3, pp. 3–6.
3. Platon. *Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome* (Complete Works in one volume). Moscow, 2013. 1311 p.
4. Rozhkov V. P. *Alternativy mirovozzrencheskogo vybora. Opyt osmysleniya filosofskogo protsessa v Rossii* (Alternative ideological choice. Experience philosophical reflection process in Russia). Saratov, 2012. 160 p.
5. Ehrn V. F. Verkhovnoe postizhenie Platona (Supreme comprehension of Plato). Ehrn V. F. *Sochineniya* (Works). Moscow, 1991. 571 p.
6. Aristotel. *Metafizika* (Metaphysics). *Sobranie sochineniy: v 4 t.* (Collected works: in 4 vol.). Moscow, 1998. Vol. 1. 308 p.
7. Orlov M. O. Ehtika diskursa kak osnova strategiy sotsializatsii v globaliziruyushhemsya mire (Discourse ethics as the basis of socialization strategies in a globalizing world). *Izv. Saratov. Univ. New ser. Ser. Phylosophy. Psychology. Pedagogics*. 2012. Vol. 12, iss. 2, pp. 54–59.
8. Ksenofonot. *Vospominaniya o Sokrate* (Memoirs of Socrates). Moscow, 1993. 592 p.
9. Anikin D. A. Traektorii sotsialnoy pamyati v globalnom mire: mezhdu konfrontatsiy i konkurentsiy (Russia i Kitay) (Trajectories of social memory in a global world: between confrontation and competition {Russia and China}). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* (Proceedings of the University of Kazan. Series: Humanities), 2013, vol. 155, no. 1, pp. 7–14.
10. Книга Екклесиаста, или propovednika (Ecclesiastes, or preacher). *Bibliya: Knigi Syvashhenogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta* (Bible: Book of Holy Scripture of the Old and New Testament). Moscow, 2010. 1295 p.
11. Orlov M. O., Danilov S. A. Rol kommunikatsii v politicheskoy zhizni sovremennogo obshhestva (The role of communication in the political life of modern society). *Filosofiya i obshchestvo* (Philosophy and Society), 2008, no. 4, pp. 126–131.
12. Florenskiy P. A. *U vodorazdelov Mysli* (In watersheds Thoughts). Moscow, 1990. 448 p.
13. Friauf V. A. Pravoslavnaya traditsiya i russkaya filosofiya Imeni (Russian Orthodox tradition and philosophy of the Name). *Izv. Saratov. Univ. New ser. Ser. Phylosophy. Psychology. Pedagogics*. 2006. Vol. 6, iss. 1–2, pp. 57–61.